

ШЕСТИГЛАВЫЙ
АЙДАХАР

Книга первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бату-хан поднял голову и посмотрел в небо. Удивительно чистое, чуть поблекшее от полуденного солнца, оно было безбрежным и бездонным, как море, которое он видел в далекой молодости. Тогда его не знающие страха тумены¹ остановили своих коней у города Тригестума...

Давно это было. Так давно, что казалось далеким, позабытым сном. Жизнь быстротечна. Время пролетело, словно стрела, выпущенная из тугого монгольского лука.

Бату-хан сощурил раскосые глаза. В синем разливе неба рядом с солнцем крохотной темной точкой парил орел, высматривая добычу. От напряжения заслезились глаза, и хан опустил лицо. Нет. Море он никогда бы не смог полюбить так, как любил степь. Бескрайняя и прекрасная, лежала она у его ног, и великая тишина стояла над ней. Ласковым ветром, напоенным свежестью родников и терпким запахом полыни, дышала степь. У подножия кургана, то появляясь, то пропадая в высоких ковылях, гонялся за кузнечиками самый младший, пятилетний сын Бату-хана — Барак. В красном чапане из бухарского бархата и в такой же красной шапочке — борике, отороченном шкуркой выдры, он был похож издали на живую капельку крови.

Бату-хан тихо вздохнул. Разморенная полуденным зноем, лежала под голубой чашей неба степь. «Что видит орел со своей высоты? — подумал он. — Какую добычу высматривает?» Тяжело, всем телом повернулся Бату-

¹ Тумен — войско в десять тысяч человек.

хан в сторону реки. Здесь, на берегу великого Итиля², находилась его ставка. Красивым был город Сарай-Бату³.

Торжественно и празднично сияли под солнцем золоченые крыши дворца. Сарай был похож на город орусутов Харманкибе⁴, только немного меньше. И построили его самые лучшие мастера, вывезенные из земли орусутов, а ханский дворец возвели ромеи. Из белого мрамора, привезенного из покоренных земель, из крепкого, словно камень, дуба и звонкой бронзовой сосны, сплавленных с верховьев Итиля, строил свою столицу великий Бату-хан.

Город, поставленный силой камчи и золота, рос на глазах. Он был радостью и гордостью Бату. Сын кочевого племени, привыкшего не созидать, но разрушать, он испытывал какое-то необъяснимое, волнующее чувство, глядя на то, что творили искусные руки мастеров. И это же чувство заставляло быть щедрым, делать все, чтобы его город становился с каждым днем прекраснее. Разве не он, великий Бату-хан, велел покрыть причудливо изогнутые крыши молелен монгольских шаманов чистым золотом? Что есть такого, что пожалел бы он для своей столицы? Золото покоренных народов? Кровь рабов? Все щедро, с избытком давала его рука.

Но каждый год, как только на крутых боках степных увалов появлялись первые серебряные жилы ручьев и сквозь бурый войлок прошлогодней травы пробивались острые как пики зеленые стебельки, Бату-хан покидал свой дворец. В бескрайней степи вырастал другой город — город из белых шатров. И до глубокой осени, до той поры, пока дикие гуси в итильских протоках не начинали откалывать красными клювами и глотать звонкие льдинки первых заберегов, ни одной ночи не проводил он в стенах дворца.

² Итиль — Волга.

³ Сарай-Бату — первая столица Золотой Орды на левом берегу Итиля, примерно в 140 км севернее Хаджи-Тархана (Астрахани). Ныне близ этих мест находится поселок Селитряный.

⁴ Харманкибе — монгольское название города Киева.

Людская молва назвала эту временную ставку великого хана Белой Ордой. И с той поры все земли, начиная от Кипчакской степи на север, на запад и на юг, до тех пределов, куда смогло ступить копыто монгольского коня, получили название ханства Золотой Орды.

В год мыши (1240), в год, когда Бату покорил и разрушил Харманкибе, начал строить он свою столицу — город Сарай...

Это было семнадцать лет назад... А сегодня, глядя на свою ставку, Бату-хан вдруг впервые не ощутил привычного волнения. Тускло, без радости смотрели на мир его глаза. Великий Бату-хан, одно имя которого наводило ужас на племена и народы и заставляло дрожать полмира, был болен. С той минуты, как он впервые сел на коня, Бату не знал ни одной болезни. Раны, полученные в походах, заживали быстро, словно у степного волка. А в этот год, в год змеи, когда ему исполнилось пятьдесят шесть лет, великие силы Неба отвернулись от него. В Хорватии Бату был тяжело ранен, и наследники уже косились друг на друга, готовые сцепиться в схватке за право стать ханом Золотой Орды.

Но он победил смерть. Так ему тогда казалось, пока не почувствовал, что судьбу нельзя обмануть. Неведомая болезнь поселилась в теле Бату-хана. Никто не мог назвать ее имени. В бессилии отступали перед болезнью самые известные в степи знахари — бахсы, беспомощными оказались табибы и лекари, приглашенные из Китая, Ирака, Ирана и Рума.

Еще в прошлом году, полный сил и здоровья, Бату легко останавливал и валил на землю молодого быка, а нынче тело его сохнет, мышцы сделались вялыми и нет прежней силы в руках. Кто бы еще недавно, глядя на грозного Бату-хана, мог сказать, что придет время и он будет в одиночестве сидеть на кургане — сутулый и постаревший, похожий на сабу — кожаный мешок, из которого выпит

весь кумыс? Кто из великих знал такую страшную и непонятную болезнь?

Бату-хан угасал медленно, и, вместе с тем как истаявало его тело, все сумрачнее казался ему мир. Все, что было интересно другим, что приносило им радость, становилось безразличным и ненужным для него. Душа больше ничего не жаждала: ни побед, ни крови врагов, ни далеких походов.

Крупные капли пота выступили на бледном лбу хана. Он с трудом поднял руку и вытер его ладонью. И вдруг вспомнилось ему далекое, то, что было тридцать лет назад, когда знаменитый его отец Джучи-хан, властитель Дешт-и-Кипчак, Хорасана и Ибир-Сибира⁵, оставил этот мир. Тогда... Тогда сильно и звонко стучало сердце и кровь, горячая и быстрая, струилась по жилам. Жизнь казалась большим праздником, и поднимались, отодвигались в бесконечность горизонты над землями, которые он мечтал бросить под копыта своего коня.

Умирая, отец оставил Бату только улус Дешт-и-Кипчак. Через два года его подняли на белой кошме и он стал ханом Орды.

Неужели минуло с той поры тридцать лет? Прошедшие годы показались Бату-хану короткими, как дни. Тогда каждая победа переполняла его торжеством, а каждая покоренная страна казалась высокой горой, на которую удалось подняться. Он хотел и все делал для того, чтобы быть похожим на своего великого деда Чингиз-хана.

Бату-хан попытался разбудить в себе прежнюю ярость и не смог — душа молчала. Он вдруг с горечью подумал, что полмира, которые сегодня принадлежат ему, наверное, не стоят и медной монеты нищего дервиша, если нельзя откупиться от смерти или хотя бы отодвинуть ее срок. Звериный страх перед неизбежным охватил хана, и он закрыл глаза.

⁵ Ибир-Сибир — Сибирь.

Где-то в небе, сильный и свободный, продолжал парить орел, и, по-прежнему беззаботный и счастливый, гонялся за кузнечиками маленький Барак. И тогда Бату-хан пересилил себя. Ему ли, великому, не знающему страха, бояться того, что предопределено Небом? Он посмотрел туда, где играл сын. Обескровленные губы хана тронула слабая улыбка, и в тусклых серых глазах зажглась искорка света. Барак — последняя радость Бату-хана. Четыре сына было у повелителя Белой Орды: Сартак, Токту-хан, Аюхан и Улакши. Трое стали воинами, и только Улакши еще не ходил в походы и не управлял ни одним улусом, но и он уже принимал участие в конских скачках и заглядывал к девушкам-рабыням.

Мать старшего сына — Сартака — была дочерью знатного ойротского бека. Остальные жены принадлежали к различным родам, в основном к общине кипчаков, и исповедовали ислам.

Он любил брать в жены девушек из покоренных племен и народов. Обновление постели, считал хан, заставляет играть кровь и возвращает молодость. И когда ему исполнилось пятьдесят лет и когда он уже все реже и реже стал переступать порог шатров, где жили его жены, случилось чудо. В последнем своем походе, в горной долине, он встретил девушку из племени хорватов. Она вышла из чащи неожиданно-негаданно — стройная, с лукошком, полным грибов. Девушка оказалась так близко от хана, что в ее расширенных от страха, глубоких, как озера, глазах он увидел себя, точно в зеркале.

Бату и раньше видел девушек из этого племени, но, как и все остальные, они не будили в нем ничего, кроме желания обладать ими. Но в этой было что-то такое, чему и сейчас хан не мог найти объяснения.

Он велел схватить ее и увезти в ставку. После его воины отыскивали родителей девушки, и хан разрешил оставить им жизнь, считая это платой за их дочь.

Непонятное творилось с повелителем Золотой Орды. Бату-хан, никогда и никого не любивший, почувствовал вдруг, что с ним что-то происходит. Незнакомое чувство властно влекло его к девушке, влекло, несмотря на то, что она отвечала ему ненавистью. Девушка пыталась бежать, приняла яд, но охрана, слуги, специально приставленные к ней женщины — сахи — не дали ей умереть. Бату-хан овладел ею силой.

Через девять месяцев и девять дней новая жена родила хану Барака. И с этого момента ей захотелось жить. Она больше не искала смерти. Но судьба распорядилась по-иному. Одна из младших жен, никогда не знавшая счастья материнства, подкупила повитуху, и та сделала так, что роженица умерла.

Велико было горе Бату-хана. В ярости он велел изрубить виновных и бросить их трупы в степи. Но Бату не был бы внуком Чингиз-хана, если бы позволил себе расслабиться. Он знал — нет в подлунном мире ничего более неверного, чем судьба. Она похожа на кучевые, вечно клубящиеся облака, и никогда не знаешь — осветит ли тебя солнце, накроет ли их тень. Туманным, неясным было и будущее Барака. Никто не мог бы сказать, чья ненависть и чья милость падут на него. Жизнь в степи полна неожиданностей — зависти, коварства, предательства. Яд и нож решают здесь многое.

К юному хану были приставлены самые верные, самые преданные телохранители. Мальчик рос крепким, здоровым. Наступило время, когда он произнес первые слова, и с той поры Бату стал все чаще навещать его. Хан брал мальчика на колени, и лицо его, суровое, обожженное солнцем и исхлестанное ветрами дальних походов, светлело. И это тоже было незнакомо ему. Всегда равнодушный к детям, всегда подозрительный и жестокий, занятый войнами и распрями, Бату преображался, когда видел Барака. Шли годы, и мальчик все больше становился похожим

на мать. И в гневе он был таким же, как она, — упрямым, яростным. Бату прижимал сына к груди и, по монгольскому обычаю, лаская его, нюхал лоб. Острый детский запах непривычно волновал хана. И все чаще стала появляться пока еще смутная мысль, что Барак со временем мог бы стать наследником, повелителем созданной им Золотой Орды. Бату не мог объяснить, откуда идет эта уверенность, но в юном хане было что-то такое, что заставляло так думать. Особенно окрепла эта мысль, когда Бату-хан понял, что дни его сочтены. Но он знал, что мечте его не дано осуществиться. Слишком мал и уязвим Барак, чтобы устоять в этом жестоком и коварном мире, где в погоне за властью брат не задумываясь прольет кровь брата.

Хан подумал, что, быть может, сына следовало назвать Кипчаком или Орусутом — по имени тех народов, которые Батый покорил. Древний монгольский обычай повелевал давать новорожденному имя врага. Это была добрая примета, потому что мальчик к тем годам, которые отпускала ему судьба, получал годы, прожитые врагом, и жизнь его становилась долгой. Если бы пожить еще хоть немного, дать сыну возможность окрепнуть, расправить крылья, закалить его волю и научить быть беспощадным к врагам. Если бы...

Бату-хан снова поднял к небу лицо. Орел все так же парил в безоблачной синеве, но теперь он был ближе к земле, и уже были видны его огромные крылья, похожие на могучие руки с растопыренными пальцами. И вдруг страшная мысль поразила хана. Он понял, что высматривала кровожадная птица в густых ковылях. Глаза Бату-хана метнулись к подножию кургана, туда, где, беспечный и счастливый, играл его сын. С диким, хриплым криком вскочил он на ноги, но орел опередил его. Сложив крылья, птица камнем ринулась к земле, туда, где мелькал красный чапан Барака.

— Сюда! Сюда!.. — рычал Бату-хан. Задыхаясь, спотыкаясь о камни, он бежал к Бараку, широко раскинув руки.

Черная птица тяжело оторвалась от земли, сжимая в когтях красный живой комочек, и пронзительный крик сына, полный боли, отчаяния и ужаса, ударил в уши Бату-хану. Он больше не мог бежать. Безумными глазами смотрел, как все выше и выше уходит в небо орел и как бьется в его железных когтях тельце сына, похожее с земли на маленькую капельку крови.

Бату-хан, железный Бату, с самого рождения не знавший жалости ко всему живущему на земле, тихо плакал. Он, привыкший посылать на смерть тысячи людей, получавший наслаждение от того, что земля становилась красной от крови, понял, что смерть — это мука, смерть — ни с чем не сравнимая боль. Огонь пожарища, вопли побежденных, умирающих под не знающими пощады монгольскими мечами, картины, от которых могли бы подняться дыбом волосы, всегда доставляли ему радость. В этот миг они словно заново пронеслись перед его мысленным взором, и страшная дрожь сотрясла все его тело. Неужели смерть сына — это предначертание судьбы, рок, от которого не уйти и который все равно настигнет, кем бы ты ни был — простым воином или повелителем Золотой Орды? Достаточно было одного движения руки Бату, и рушились города, покорялись страны. Сегодня под рукой не оказалось простого лука и одной стрелы, чтобы спасти сына. Впервые за всю свою жизнь суровый Бату-хан ощутил любовь и нежность к живому существу, но судьба настигла его в образе черного орла и отняла радость. Рок неумолим, и нет такой силы, которая бы могла остановить его.

Бату представил, как терзают тело его сына кривые когти орла, и от бессильной ярости закрипел зубами. Что мог сделать он, великий и могучий хан, против судьбы?

Перед глазами вдруг всплыла картина двадцатилетней давности. Его тумены, состоявшие из кэшиктэнов⁶, осадили

⁶ Кэшиктэны — гвардейцы (монг.).

небольшую крепость маленького горного племени. Мужчины погибли в неравной схватке, и крепость обороняли только женщины. Они умирали от ран, голода и жажды, но не открыли ворот. В горы пришла осень, и пора было уводить тумены в степь, а крепость оставалась неприступной. И тогда Бату-хан пошел на хитрость. Он велел сказать ее защитницам: «Сдавайтесь. Мы убьем вас, но не тронем ваших детей».

Их было всего сто, защитниц крепости, — израненные, полуживые, они были непобедимы, потому что силы им давала любовь к детям. Ради детей они поверили хану. Но Бату не сдержал слова. На глазах у матерей его воины изрубили детей кривыми монгольскими саблями. Сердце Бату не дрогнуло в тот миг. Он равнодушно смотрел, как лилась кровь, слушал страшные крики, и зарево пожара играло в его зрачках. Эта жестокость поразила даже монголов. Воины шептали: «Жив еще Чингиз-хан. Его дух переселился в Бату».

Да, Бату-хан всегда был жесток и беспощаден. Тогда сто женщин были бессильны перед Бату — судьбой, сегодня он, непобедимый владыка, оказался бессильным перед судьбой в образе орла.

Хан считал, что жизнь — это борьба и потому справедливо, что побеждает в ней сильный. Вчера таким был он сам, а сегодня сила оказалась за черным орлом. Так было, так будет всегда. Иной не представлял Бату себе жизнь, и потому одной из первых была мысль о мести. С того момента, когда он увидел солнце и степь, хан знал — врага нельзя щадить. Порой ему казалось, что все это вошло в него с молоком матери, и потому Бату всегда и повсюду был безжалостным к тем, кто вставал на его пути или стремился посягнуть на его честь. Только кровь могла искупить кровь. Иные решения были ему неведомы. Только когда Бату собственными руками убьет черного орла и напьется его горячей крови, только тогда будет отомщен

Барак. Хан был сыном степи и знал повадки орлов. Проклятая птица рано или поздно вернется туда, где однажды нашла добычу.

О страшной смерти Барака Бату-хан не сказал никому. Народ, привыкший к его величию, веривший, что хану помогает само Небо, не должен был знать, что с внуком Чингиз-хана может случиться то же, что и с обычным смертным. Да и враги обрадуются, разнесут по всей земле весть о его горе.

В ставке никто не решился спросить, куда исчез мальчик. Сотня личных телохранителей хана, видевшая все издали, в эту же ночь была отравлена колдовским настоем. Бату действовал по завету, оставленному Чингиз-ханом: «О ханской тайне не должна знать ни одна живая душа».

Как и прежде, ежедневно он занимался делами Орды: принимал послов, отдавал приказы. Казалось, близкая смерть не пугала его. Хотя каждый, кто имел глаза, видел, как все более немощным становится тело Бату-хана. Немигающие, похожие на дедовские раскосые глаза его, всегда грозные, сделались теперь мутными и тусклыми.

Лишь после полудня, покончив со всеми делами, Бату надевал красный чапан и шапку, отороченную выдрой, — такие же, как носил Барак, — и уезжал в степь к заветному кургану. Телохранители следовали за ним на почтительном расстоянии, боясь потревожить хана. Иссошенный болезнью, маленький и слабый, он медленно ехал по степи, и здесь, где никто не мог видеть его лица, к нему снова возвращались тяжелые и мрачные мысли. С каждым днем он все меньше боялся смерти и все дороже становился ему каждый прожитый миг. Месяц назад тибетский лекарь, присланный великим ханом Каракорума Менгу, чтобы лечить Бату, сказал: «Высокочтимый хан Золотой Орды, в подлунном мире нет такого лекарства, которое бы могло вылечить вашу болезнь. Человек покидает этот мир, когда из двадцати частей воды, которая есть в его теле, остается

лишь одна. С этим ничего не поделаешь. Кровь становится густой, и никакие радости мира уже не заставят ее бежать по жилам. Сколько вам осталось жить — я не знаю. Все в руках Неба».

Они сидели в шатре одни, а Бату-хан, прикрыв глаза тяжелыми веками, слушал тихие слова лекаря. И ничего, кроме горечи, не было в этот миг у него в душе. Он никому не рассказывал об этом разговоре, но помнил о нем постоянно.

Конь хорошо знал привычный путь. Он легко поднимал Бату-хана на вершину кургана. Хан отпускал коня, и тот уходил в степь, туда, где на расстоянии полета стрелы прятались в высоких травах телохранители. Один Бату знал, зачем он приезжает сюда каждый день. Хан ждал орла. Для этого он надевал красный чапан, для этого прятал под его полый острый меч. Бату верил, что птица ошибется и примет его иссушенное болезнью тело за тело ребенка.

Пристально оглядев небо, хан садился на камень и терпеливо начинал ждать. Болезнь отняла у него силы, но разум по-прежнему был светел. Близкий уход тревожил Бату-хана. Он не мечтал о чудесном исцелении, а думал о будущем созданной им Золотой Орды. Он должен был оставить потомкам заветы, которым бы они вняли, — и каждый бы помог им не уронить остов великого ханства. Предстояло научить их, несмотря ни на что, оставаться судьбой, карающим мечом для покоренных народов.

Потомки... Человек приходит в жизнь и уходит из нее. У потомков своя судьба, свой путь, и, быть может, о них не стоит тревожиться? Великий дед Чингиз-хан когда-то сказал ему: «Всю свою жизнь я мечтал лишь о двух вещах. Первой — чтобы росла бесконечно моя слава, и второй — чтобы слава не оставила моих потомков и они всегда правили бы другими народами».

Бату-хану вдруг вспомнился разговор деда с одним из его военачальников — Боракулом.

— Что тебе дорого в этом мире? — спросил Чингиз-хан.

— Жизнь, — ответил Боракул.

— А чем ты сможешь доказать это?

— Благодаря великому из великих Чингиз-хану я стал сейчас одной из девяти главных опор, поддерживающих верхний круг остова Великой Орды, — заметил Боракул. — С плеча великого хана надел я горностаевую шубу, прошитую золотыми нитями, женился на тридцати девушках, превосходящих красотой друг друга, получил в управление улус и бесчисленные стада скота... Но я стал стар. Мне теперь ближе могила, чем почетное место. И если бы всевышний спросил меня: «Согласен ли ты, отказавшись от славы, достигнутого счастья, вернуться в пору молодости, когда был лишь простым пастухом? — я согласился бы не раздумывая.

— Верно говоришь, — сказал Чингиз-хан. — Нет ничего на свете дороже жизни...

— А ты бы мог поступить так? — спросил его тогда Боракул.

Чингиз-хан надолго задумался, потом сказал:

— Нет. Я бы не смог. Тебе легко оставить славу, счастье, почет, потому что у тебя нет детей. У меня же четыре сына, и все они цари, каждый внук — хан, да и правнуки уже начали сами седлать коней... Благодаря им моя слава становится крылатой. Если бы всевышний вернул мне молодость, то кто знает, сумел бы я снова дать им то, что каждый из них имеет? Я ведь жил, боролся, проливал кровь непокорных не только ради себя. Нет. Я никогда не смогу решиться начать все сначала. Пусть лучше будут долгими и удачными дни моих потомков. Только тогда я буду много раз рождаться заново — в каждой их победе, в каждом шаге вперед. Дети — продолжение моей жизни. Если их слава делается вечной, то и я не умру никогда. А разве это не самое большое желание для человека?

Так говорил великий и мудрый Чингиз-хан с Боракулом...

Тяжкая истома овладела всем телом Бату-хана, клонило в сон. Он втянул голову в плечи и, казалось, задремал. Но это только казалось. Не затем приходил на курган Бату...

Среди семнадцати сыновей Джучи самым могущественным был Бату-хан. По положению и славе стояли вслед за ним старший из братьев — Орду и младший — Берке. Остальные же управляли обычными аймаками — округами.

Еще в те времена, когда Бату поднял над землями Дешти-и-Кипчак знамя Золотой Орды, он помог старшему брату превратить обычный улус Ибир-Сибир в ханство. Оно получило имя Синей Орды. Другие сыновья Джучи тоже правили покоренными народами, владели бесчисленными стадами скота, но ни один из них не поднялся до звания хана. По могуществу и славе среди всех внуков Чингиз-хана с Бату могли сравниться только хан Северного Китая — Кубылай и хан Кавказа, Азербайджана, Рума, Ирана и Багдада — Кулагу. Но ни один из них не покорил столько народов, такого пространства, как Бату-хан. Их владения, по сравнению с владениями Золотой Орды, были похожи на шкуру овцы рядом со шкурой быка. Вдалеке Каракоруме, сменяя друг друга после Чингиз-хана, правили монгольским ханством Угедэй и Гуюк, а совсем недавно на белой кошме подняли Менгу. Бату-хан был равнодушен к родине предков. Он создал Золотую Орду сам, и все помыслы его были здесь.

В чем была причина удачи Бату-хана? Люди объясняли это тем, что с самой юности Бату свято чтит заветы предков. И если другие потомки Потрясателя вселенной часто предпочитали руководить набегами и походами из ставок, то Бату всегда шел впереди своих туменов. Управляя Золотой Ордой, он никогда не носил одежд из шелка, не украшал себя золотом — он жил так же просто, как и его великий дед. Летом на нем были чекмень из верблюжьей шерсти, на голове кипчакский борик, отороченный

белкой, тело защищал нагрудник из шкуры жеребенка. С наступлением зимы Бату надевал темно-коричневый полушубок или волчью шубу и шапку — тымак из густого корсачьего меха.

И то, что хан вдруг начал носить нарядную одежду, поразило всех. Визири, нойоны, нукеры считали, что во всем виновата болезнь. Каждый догадывался — жить Бату-хану осталось немного, но никто не решался говорить об этом вслух, никто не решался спросить, что же будет дальше с каждым из них. А Бату-хану рано или поздно предстояло это сказать. Он помнил об этом и потому, отправляясь однажды на курган, взял с собой младшего сына — Улакши, рожденного от жены из рода тайжигут. Улакши, несмотря на молодость, был высокого роста, горбоносый, скуластый и походил скорее на иранца, чем на монгола.

Конечно, в эти тяжкие для него дни Бату следовало бы говорить со старшим сыном, потому что именно он, по законам Чингиз-хана, должен был унаследовать власть в Золотой Орде — он опора Бату-хана. Но Сартака не было в ставке. Из-за своей болезни хан отправил его вместо себя на великий курултай в Каракорум.

Улакши, как младшему, по обычаю, предстояло стать хранителем очага в доме Бату. Так предписывал Чингиз-хан. Но этот порядок соблюдался не всегда. Его потомки унаследовали от деда волчьи повадки, и потому чаще побеждал тот, кто сильнее, а не тот, кто имел право. Законный наследник порой становился добычей более хитрого, коварного и сильного.

Бату-хан все это хорошо знал, но до семи лет он воспитывался в Монгольской Орде деда и потому поступал так, как велел Чингиз-хан. Сартаку предстояла нелегкая борьба за власть, и Бату не без умысла послал его в Каракорум, надеясь, что он многому сможет там научиться из того, что потом пригодится, когда станет ханом Золотой Орды.

Улакши не Сартак, и все же он сейчас ближе всех для хана. Кто знает, продлятся ли дни Бату до той поры, когда вернется старший сын? Это известно одному Небу.

Они поднялись на курган, и Бату, сощутив свои раскосые глаза, долго в задумчивости смотрел в степь, потом сказал:

— С той поры как наследник хана начинает сам садиться на коня, он уже не считается ребенком. Ты стал взрослым, сын, и потому нам надо поговорить с тобой, — Бату помолчал. Поймет ли его Улакши, сможет ли потом пересказать братьям то, о чем он сейчас услышит? — Я уже стар и болен. Пришла пора оглянуться на пройденное и подумать о том, что я успел сделать, а что — нет. И все ли вышло так, как было задумано, или ничего не получилось. Ты будущий хранитель очага. Иди садись рядом.

Улакши сел на каменную плиту у ног отца.

— Орел всегда охотится на то, что видел в детстве. Так было и со мной. Семь лет я прожил у деда Чингиз-хана. Однажды он посадил меня на луку своего седла и привез на место битвы. Вся степь, насколько хватало глаз, была устлана трупами врагов, павших под ударами дубин и сабель монгольских воинов. Чингиз-хан ничего не сказал. Он только посмотрел мне в глаза и увидел, что они блестят. А я мечтал стать таким же смелым и беспощадным, как наши багатуры, и научиться так же, как они, убивать врагов. Дед иногда давал мне советы. Три из них стали яркой звездой, которая освещала мой путь во тьме ночи, именуемой жизнью. Во время кровавых, сокрушительных походов советы Чингиз-хана грели мое сердце, давали уверенность и силу.

Однажды он сказал мне: «Если стаю собак возглавит тигр, то со временем собаки превратятся в стаю тигров. Если же во главе тигров окажется собака, то пройдет немало времени — и тигры превратятся в свору собак».

Я долго не придавал значения этим словам деда, пока под копытами монгольских коней не пала великая степь Дешт-и-Кипчак. Мы покорили ее народ, но я вдруг заметил, что с каждым годом мои воины все чаще стали брать себе в жены местных женщин и перенимать кипчакские обычаи.

Вот когда мне сделались понятны слова Чингиз-хана, и я захотел стать тигром, чтобы не превратиться в собаку. Нас, монголов, было мало, и чтобы удержать в повиновении народ, я стал приближать к себе лучших из кипчаков. Им нельзя было отказать в смелости, но для того чтобы побеждать, они должны были сделаться такими же жестокими, как мои монголы.

Недаром народ говорит, что, кроме перелома костей, все болезни заразны. Мне удалось сделать так, как я хотел. Теперь уже кипчаки помогали нам управлять их народом. Страх превратил кипчакских воинов в смельчаков, а тех, кто не хотел следовать по нашему пути, мы уничтожали. У меня появилось большое войско, устроенное по подобию войска Чингиз-хана, и с ним я смог пойти на болгар, карлуков, гузов, аланов и на другие народы...

— Но ведь собака, превращенная в тигра с помощью кнута, могла затаить злобу. Что помешает ей почувствовать себя тигром, показать клыки? — задумчиво сказал Улакши.

Бату чуть заметно улыбнулся. Ему нравилось, что сын думает над услышанным. Кто знает, может быть, Улакши повезет и он станет когда-нибудь неплохим ханом.

— Ты прав. Такое может случиться... Но чтобы все оставалось так, как ты хочешь, есть еще одно средство. Вспомни слова, сказанные Чингиз-ханом служившему ему с юности верой и правдой Джалме-нойону:

При моем рождении и ты родился,
При моем возмужании и ты мужал.

Благородного рода, в колыбели собачьей,
Счастливым, превосходный мой Джалме!

Кроме этих слов, он подарил своему нойону право совершить девять проступков и не быть за них наказанным.

А что сказал мой дед Торган-Шире, человеку, который спас его в молодости от врагов? Он сказал: «Пусть земля меркитов вдоль реки Селенги станет твоим кочевьем. Отныне она будет принадлежать твоим потомкам и потомкам твоих потомков». Чингиз-хан умел не только покорять, но и находить путь к сердцам преданных ему людей. Он был для них щедр на доброе слово и не скупился, награждая.

Я поступал так же. Лучшие воины получали от меня самые большие куски шелка, и в их ладони я сыпал больше золота. Род или племя, отличившиеся перед Ордой, получали лучшие выпасы для своего скота и лучшие места кочевков. — Бату-хан задумался. — Человек бессилен не только перед насилием. Он будет лизать тебе пятки, если ты сумеешь держать его благополучие в своих руках...

Бату-хан умолк, перевел дыхание, вытер испарину со лба. Ему трудно было говорить.

— В другой раз дед сказал мне: «Простой народ уважает и восхваляет того, кого он боится. Если хочешь, чтобы имя твое знал весь мир, не жалея никого: уничтожай, режь. Чем больше погибнет людей по твоей воле, тем большей будет твоя слава».

Улакши опустил голову. Бату усмехнулся:

— Зачем прячешь глаза? Или ты вспомнил о том, что ответил на эту мудрость деда Букенжи-кази?

Мальчик кивнул.

В Золотой Орде все знали эту историю. В год, когда тумены монголов впервые пришли в Хорасан, к ним в плен попал кази⁷ Бахиддин Букенжи. Чингиз-хан, пораженный широтой его знаний, даровал ему жизнь и оставил

⁷ Кази — духовное лицо у мусульман, судья.

подле себя. Он любил слушать рассказы кази об обычаях и нравах в различных странах. Однажды Потрясатель вселенной сказал своим друзьям: «Я вырезал много народов, поэтому и прославился на весь мир. Слава моя возрастет еще больше, если я не оставлю в живых никого».

Кази, услышав эти слова, попросил: «Великий хан, если вы подарите мне жизнь, я посмею возразить вам».

У Чингиз-хана было хорошее настроение, и он пообещал не казнить Букенжи.

«Великий хан! — сказал кази. — Если вы и ваше войско уничтожат все народы, то кто же будет прославлять ваше имя?»

Чингиз-хан уставился на Букенжи неподвижными холодными глазами и вдруг засмеялся: «Я завоевал пока только полмира, и еще остались те, кто будет меня славить».

— Дед мой был мудр, — сказал Бату. — Он всегда хорошо знал то, о чем говорил. К завоеванным им землям я присоединил новые, но и я не смог истребить все народы. И на вашу долю хватит дальних походов и кровавых битв.

— Отец, но и ты не всегда и не все делал так, как завещал Чингиз-хан.

— Да. — сказал Бату. — Не все. Я не дарил никому из друзей своих жен. В этом Бату-хан не смог стать таким, каким был его великий дед..

В свое время Потрясатель вселенной покорил два рода — меркит и найман. Предводители этих родов были обезглавлены. Печальной участи избежали только керей. Их властитель Жаха-Гамбу отдал Чингиз-хану в жены свою красавицу дочь Ибахан-бегим. Табуны лошадей, караваны с дорогими шелками, золотой и серебряной посудой и двести рабов прибыли вместе с ней в ставку Чингиз-хана. Казалось бы, заключен прочный и долгий мир. Но Жаха-Гамбу нужна была только передышка, и прошло совсем немного времени, как он выступил против монго-

лов. Преданный Чингиз-хану нойон Журшатай обманом завлек его в ловушку и отрубил изменнику голову. Он же помог разгромить кереев и в битве с ними спас великому Чингиз-хану жизнь, прикрыв его собственным телом.

Чингиз-хан остался доволен поступком Журшатая и подарил ему свою жену Ибахан-бегим. При этом он сказал: «Если напал враг — встретить его, вырыв яму. Если рядом с тобой друг — не пожалей для него куска мяса из своего тела».

Именно об этом думали сейчас отец и сын.

Улакши упрямо тряхнул головой.

— Наш великий предок дарил жен не только тем, кому был обязан жизнью. Ведь Кактай-нойон не совершил того, что совершил Журшатай?

— Да. И такое случалось. Твой предок был властителем вселенной, и потому любой проступок украшал его. Я знаю об этом случае... Дело было так. Во время борьбы с родами керей и тайжигут Кактай-нойон перешел на сторону Чингиз-хана. Больше за ним не было никаких заслуг. Даже в битве с Ван-ханом, когда мой дед обратился к нему за советом, он промолчал, поглаживая гриву своего коня. Вот и все достоинства этого человека.

Но вскоре Чингиз-хану приснился страшный сон, будто тело его обвила огромная пятнистая змея. Змея сказала человеческим голосом: «Если не отдашь жену — проглочу».

Чингиз-хан верил шаманам и знахарям и умел толковать сны. Утром он увидел, что рядом с ним лежит прекрасная, как лебедь, Абике-бегим. Совсем недавно сделал он ее своей женой. Хан разбудил ее. «С тех пор как я взял тебя в жены, душа моя пребывала в покое и радости. Но ты не должна обижаться. Я увидел плохой сон и обязан тебя кому-нибудь отдать».

Абике-бегим знала — хан ничего не повторяет дважды. Опечаленная, она сказала: «Пусть будет так, как велишь ты. Пусть радость проведенных вместе дней останется